

М. А. Мануильский³

ЛАТЕНТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Одним из основных вызовов современному человечеству является рост террористического насилия. Проблема постоянно находится в центре внимания политиков, экспертов, общественных дискуссий, СМИ. Причем на всех уровнях признается, что отсутствует общезначимое понимание терроризма и террористического насилия. Первая причина тому лежит на поверхности — множество конкретных манифестаций терроризма. Практически любая террористическая акция сопровождается самопрезентацией ее организато-

ров/исполнителей, «взятием ответственности на себя», что в известной мере демотивирует поиски латентных факторов. Вторая находится глубже — это отсутствие единства в лагере борцов с терроризмом. Группировки, еще недавно считавшиеся террористическими, неожиданно превращаются в повстанцев, оппозиционеров, а сторонники местной автономии, напротив, — в террористов. Произвол в трактовке принадлежности к терроризму затрудняет теоретические рецепции в этой области и невольно подталкивает к дескриптивному, описательному подходу.

Феноменология террористического насилия достаточно обширна. Высказывается мнение, что оно представляет собой насилие «нелегитимное», «безадресное», «выходящее за рамки правового поля», «особо жестокое», «бессмысленное», «неизбирательное» и т. п. Все эти характеристики действительно имеют место. Но они, на наш взгляд, не задаются в качестве необходимых и достаточных. Поясню на примере. Террористы широко практикуют «особо жестокое насилие». Но такая конфигурация насилия присуща

³ Заместитель главного редактора журнала «Человек» Президиума РАН, старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам философии и культуры, в т. ч. книги «Новая школьная энциклопедия. Человек»; статей: «Биография в структуре жизненного мира индивида», «Культурно-антропологические доминанты терроризма», «Мир человека в энциклопедическом формате», «Российский чиновник на работе и дома» и др. Заместитель главного редактора «Социологического журнала». Награжден почетными грамотами Президиума РАН.

не только действиям радикалов. В свое время американские войска во Вьетнаме широко и последовательно использовали тактику выжженной земли. Даже советская пресса, непрестанно критиковавшая США, не упрекала их в терроризме, хотя, казалось бы, имела полное право. Террористическими тогда считались действия иного калибра — угон самолетов, захват заложников. Дело не только в пропагандистских штампах и конвенциях. Безжалостность, жестокость далеко не всегда обеспечивают достижение главной тактической цели террористов — устрашение, деморализация населения и властей. История Великой Отечественной войны дает множество примеров, когда в ответ на зверства немецких оккупантов у советских людей нарастали ненависть и желание отомстить врагу, укреплялись воля к сопротивлению, единство и сплоченность. Кстати, использование американской армией тактики выжженной земли также не дало желаемых результатов.

Сущность насилия обычно связывают с принуждением и нанесением ущерба индивиду. Мы исходим из трактовки феномена, предложенного А. А. Гусейновым: «Насилие — не вообще принуждение, не вообще ущерб жизни и собственности, а такое принуждение и такой ущерб, которые осуществляются вопреки воле того или тех, против кого они направлены. Насилие есть узурпация свободной воли»¹. Под принуждением понимается действие, которое склоняет людей к нежелательному или неприемлемому для них развитию событий даже в ситуации, когда акция имеет легитимный, законный характер. Крайней точкой принуждения другого индивида является лишение его способности к сопротивлению, а радикальным способом достижения такой цели выступает убийство.

Терроризм, по мнению автора, представляет собой действия индивида или группы лиц, направленные на устрашение других людей, подчинение их своей воле в целях установления порядка вещей, декларируемого идеологией (приверженцами которой являются террористы); при этом используются методы, выходящие за рамки принятых в данном сообществе способов разрешения конфликтов, прежде всего физическое и психологическое насилие, имеющее конкретно-неизбирательный характер, то есть объектом и жертвой которого являются случайные люди². Выдвинутый подход подразумевает наличие нескольких неявных, латентных особенностей насилия.

1. Терроризм — это политика и практика, направленные на раздувание существующих в обществе проблем, противоречий, разрешение которых и выдвигается в качестве основной цели. Решение может формулироваться в рамках как «светской» парадиг-

¹ Гусейнов А. А. Насилие и ненасилие // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 36.

² В действующем Уголовном кодексе РФ терроризм определяется следующим образом (ст. 205): «Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

мы (искоренение несправедливости), так и религиозных представлений (покарание еретиков и утверждение истинного вероучения). Но в любом случае единственным способом преодоления реальных или мнимых трудностей считаются радикальные меры («есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы»). Диалог, кропотливый поиск компромиссов отвергаются как путь унижительных уступок, предательства высших интересов и идеалов (вспомним оценку Лениным Брестского мира как «позорного» и «похабного»). В силу простоты, «монологичности» принимаемых решений предлагаемые перспективы носят *утопический* в конечном счете характер.

2. Видимо, бессознательно чувствуя утопичность достижения конструктивных результатов с помощью террористического насилия, его вдохновители и организаторы выдвигают тезис о «временном (якобы по необходимости)» использовании радикальных мер. Николай Морозов, идеолог народовольческого террора, в 1880 году провозглашал: «Террористическая борьба немедленно прекратится, как только социалисты завоюют для себя фактическую свободу мысли, слова и действительную безопасность личности от насилия, — эти необходимые условия для широкой проповеди социалистических идей»³. В. И. Ленин в работе «Государство и революция» обосновывал мысль, что главным политическим условием построения социализма является установление *диктатуры* пролетариата — ничем не ограниченного вооруженного насилия трудящихся масс; по мере успехов коммунистического строительства необходимость в диктатуре пролетариата сойдет на нет, а государство отомрет. И. В. Сталин, в принципе разделявший эти идеи, внес существенную новацию: «По мере нашего продвижения вперед, к социализму, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться»⁴. Этот сомнительный с точки зрения классического марксизма тезис послужил, как известно, идеологическим оправданием большого террора.

Нынешние террористы действуют более изобретательно: насилие остается, только изменяется политическая «вывеска» группировки, делающей ставку на насилие. При этом новый «бренд» должен устраивать спонсоров и быть приемлемым для общественности. Латентными в данном случае выступают не формы насилия, а его спонсоры. Хотя и с насилием не все так просто. Его применение часто маскируется дымовой завесой информации о якобы многочисленных мирных жителях, погибших в результате силовых действий борцов с терроризмом.

3. В тактическом плане эффект устрашения, деморализации достигается прежде всего в силу неожиданности теракта. Повседневной нормой (для европейца, во всяком случае) является внешне сдержанное поведение; конфликту, демонстрации агрессии предшествует хотя бы минимальное обозначение своих намерений, требований. Естественно, беспорядочная стрельба (взрыв) в общественном месте не просто пугает своей

³ Морозов Н. Террористическое насилие. Женева, 1880.

⁴ http://scepsis.net/library/id_946.html (дата обращения: 08.01.2017).

внезапностью. Блокируются привычные способы реакции. Кочующая из фильма в фильм сцена нападения вооруженных преступников на банк с возгласом «Это ограбление!» — не просто штамп голливудских режиссеров. Он отражает идеально-типическое представление о «цивилизованном преступлении». Сам факт преступления является социально неодобряемым поступком, но в цивилизованном обществе жертва ограбления *имеет право* знать, что она жертва. Внезапная террористическая атака нацелена в том числе и на нарушение прав людей, что вызывает у них дополнительный стресс.

4. Чтобы добиться максимального устрашающего эффекта, парализовать волю людей, террористы прибегают к использованию приемов и методов, выходящих за рамки культуры данного сообщества, бросающих ей прямой вызов. Как известно, культурные нормы исторически и географически вариативны. Убийство «кровника» в этнических группах, придерживающихся закона кровной мести, если и не считается социально одобряемой нормой, то и не приведет соплеменников в ужас. В обществах, преодолевших диктат кровнородственных связей, подобная месть — тяжкое уголовное преступление. Похожие ситуации при внешней близости событийной канвы могут нести принципиально различную смысловую нагрузку. Гибель пешехода под колесами трейлера — трагическое происшествие. Применение большегрузного автомобиля в качестве средства *массового убийства* расценивается как циничный вызов обществу. В целом культура, конечно же, противостоит терроризму. Но некоторые ее установки террористы могут использовать в своих целях. Речь идет о санкционированных традициями, нормами, обычаями насильственных действиях в отношении *других* (упомянутая выше кровная месть, человеческие жертвоприношения) или *себя* (самопожертвование). В последнем случае идеологема самопожертвования используется исламскими террористами для достижения своих целей.

5. Еще одной латентной особенностью террористического насилия выступает его *конкретно-неизбирательный* характер. Что имеется в виду? Любой теракт локализован по месту и времени, но не по объекту. Выбранная цель лишь маркирует принадлежность ми-

шени к объекту «возмездия» или устрашения. Иными словами, место и время теракта, как правило, выбираются, исходя из установки максимизировать причиняемый ущерб, в частности число человеческих жертв. Точечный удар, пусть и масштабный, может быть нанесен теоретически где угодно.

Приходится с сожалением констатировать, что конкретно-неизбирательное насилие присуще также войне, то есть санкционированным легитимными властями насильственным действиям. В данном случае главная задача — также нанесение максимального ущерба противнику, и неважно, какая конкретно воинская часть находится на противоположной стороне поля боя. В основе конкретно-неизбирательного насилия в ходе боевых действий лежит логика решения военно-политических задач, а не представления о справедливости или несправедливости. С точки зрения нанесения ущерба война ничуть не лучше терроризма.

По конфигурации насилия терроризм отличается от криминальных преступлений. В последнем случае насилие имеет конкретно-избирательный характер, хотя жертвами преступников могут и часто бывают случайные люди. Криминальные преступления носят мотивационно-адресную направленность: обогащение путем «экспроприации» имущества конкретных лиц и организаций, межличностный конфликт (ревность, месть, личная неприязнь), культурно-мировоззренческое противостояние (соперничество футбольных фанатов, межконфессиональные конфликты на бытовой почве, внутриселенческое столкновение «своих» и «чужих»), религиозные распри (борьба между приверженцами «истинного» понимания вероучения и еретиками). Во всех этих и подобных случаях у насилия есть *конкретный* адресат (пусть и обезличенный), а возможные жертвы среди оказавшихся поблизости людей являются случайными.

Террористическое насилие — сложное многоплановое явление. Какие бы формы оно ни принимало, эти действия направлены на устрашение, деморализацию людей, деконструкцию и дезинтеграцию их сложившегося, привычного жизненного мира. Противодействие этому злу требует не только систематических профилактических мер, адекватных силовых ответов, но и мобилизации всего потенциала культуры.